

Никто в этот момент не интересовался, почему направление движения этого отряда оказалось прямо противоположным городским воротам, и никто не подходил, чтобы проверить, что именно за гробы они несут. Город Пекин вот-вот должен был погрузиться в пучину бедствия, и сколько людей погибнет в огне этой войны, Лэй Чжэнь предвидеть не мог и был здесь бессилен.

Хотя он и знал историю, у него не было власти в этой стране. Всё, что он мог сейчас сделать, — это задействовать те крохи ресурсов, что были у него под рукой, прибавить к ним каплю ума и попытаться сберечь для этой погруженной в хаос страны хоть зачатки для будущего возрождения.

Стоило им приблизиться к улице Хубуцзе, как Лэй Чжэнь, до этого шедший как по маслу, наконец наткнулся на неприятности. На этот раз его противниками оказались вовсе не цинские войска и не Ихэтуани, а шайка хулиганов, состоящая из избавственных сынков знатных родов из Восьми знамён.

Эти гадюки, оказывается, тоже явились поживиться за чужой счёт!

По сравнению с отрядом Лэй Чжэня, эти маньчжуры явно действовали на шаг впереди. Когда оба отряда столкнулись нос к носу, люди Лэй Чжэня обнаружили, что сорванцы уже собираются уносить ноги, навьюченные большими коробами и узлами.

— Быстро, отряды, разобрать винжавки, приготовиться к бою!

Как стерпеть, когда лакомый кусок, уже пливший в рот, нагло отнимают? И без подначек Лэй Чжэня бойцы, распалённые сладкими грёзами о богатстве до потери сна, дружно сорвали крышки с гробов. Находящееся внутри оружие, конечно, не могло похвастаться тяжелыми пулеметами Максима или орудиями Круппа, но мощи четырех сотен маузеров вполне хватило, чтобы до смерти перепугать противостоящую им шпану.

— Вы, бандиты-кулачники, что вы тут делаете? Ступайте скорее убивать больших и малых дьяволов! — завопил один из пареньков, явно бывший заводилой, и, подбадривая себя, замахал руками издалека.

— Хлобысь! — в тучах сизого дыма блеснул оружейный ствол.

Вопивший паренёк тут же осел на землю.

Лэй Чжэнь не испытывал ни малейшей симпатии к мародёрам, грабившим государственную казну ради собственной наживы, да и тратить время на пустые разговоры с ними не собирался.

Этот выстрел прозвучал словно сигнал. Наконец-то дорвавшиеся до дела бойцы спецотряда дружно изрынули огонь из своего оружия, мгновенно превратив узкий переулок в тупик

смерти.

— Ихэтуани убивают людей! Бегите! — поняв, что здесь и впрямь открыли огонь, отступавшие негодяи растерялись. Впрочем, те из них, кто привык держать нос по ветру, тут же с криками бросились врассыпную по мелким переулкам.

— Живо, в Министерство финансов, выносить серебро! — Лэй Чжэнь взмахнул рукой и первым бросился в парадные ворота. Ситуация критична: маньчжурская шпана, конечно, мерзавцы, но сейчас важнее всего опередить заморских дьяволов и прибрать серебро к рукам до того, как они полностью захватят город Пекин, а затем тихо и незаметно вывезти его за пределы стен.

И всё же нельзя не признать: эти мнимо «покойные» молодые маньчжуры хоть чуть-чуть и испортили дело, но сослужили Лэй Чжэню и его людям неплохую службу. Место хранения серебра в казне Министерства финансов изначально было государственной тайной: чужаки знали лишь то, что серебро лежит где-то в ведомстве, но вряд ли ведали, в каком именно дворе оно спрятано.

Если бы те бандиты заранее не указали направление и путь, Лэй Чжэнь и его люди еще нескоро обнаружили бы этот тайный вход и выход.

У входа с десятков чиновников и стражников, охранявших сокровищницу, уже были перебиты негодьями. Крепости всегда легче пасть изнутри: эти знатные сорванцы наверняка имели сообщников среди служащих министерства, иначе ни за что не смогли бы так легко распахнуть ворота ведомства и вывозить серебро наружу.

Ну что ж, тем лучше для людей Лэй Чжэня.

Стоило им проникнуть в тайное подземное хранилище, как в ноздри ударил густой запах сандала. Лэй Чжэнь знал, что благовония жгут специально, чтобы защитить деньги от сырости и плесени.

— Смотрите, печати сорваны!

Железные двери одна за другой стояли распахнутыми. Внутри валялись перевернутые ящики, приходно-расходные книги и серебряные слитки, выпавшие наружу с выбитым на них казенным клеймом империи Великая Цин.

— Ого, сколько серебра! Я за всю жизнь столько не видел!

— Эй, сопляк, чего застыл? Ты и в следующей жизни столько не увидишь, шевелись!

Гробы, из которых только что извлекли ружья, вновьгодились. Белоснежное серебро кучами выгребали из опечатанного хранилища, а затем с громким звоном ссыпали в

деревянные гробы — до чего же сладок был этот звук!

— Командир! В самом дальнем углу сокровищницы еще жив один продажный чиновник, гляньте-ка, это он! — посреди суеты бойцов Сун Чжаньбяо, держа в одной руке широкий тяжелый тесак, а другой волоча за шиворот чиновника в наряде шестого ранга, с сердитым криком пробирался вперед.

В разгар войны из огромного министерского хранилища разбежалась почти вся охрана, остался лишь этот единственный дежурный. Ему посчастливилось уцелеть: он вовремя сбежал в самую глубь хранилища, тяжелая железная дверь отрезала путь внутрь, а маньчжурские негодяи думали лишь о том, как бы урвать кусок пожирнее, и никому из них не было дела до жизни какого-то чиновника.

Сун Чжаньбяо в несколько шагов подлетел к Лэй Чжэню и с силой швырнул на землю дрожащего от страха человека. Несчастный жалобно застонал от боли и только тогда пришел в себя.

— Ты кто по имени? — холодно окинув взглядом трясущегося чиновника, резко спросил Лэй Чжэнь.

— Помилуйте, великий господин, герой, пощадите! Нижайший зовется Ван Тинцзюнь, я всего лишь мелкий пристав в Министерстве финансов, в должности всего месяц, и еще не успел ни притеснять народ, ни заниматься лихоимством и взяточничеством! — этот трусливый пристав обладал неплохим зрением: стоило ему заметить, как Сун Чжаньбяо испрашивает указаний у Лэй Чжэня, как он тут же сообразил, кто здесь главный.

— Ты не успел или просто не дорос? — взревел Сун Чжаньбяо с грозным видом. Пройдя с Не Шичэном через бесчисленные сражения, он повидал на своем веку немало славных побед, но жалование у солдат Не вечно урезали. При одной мысли об этом Сун Чжаньбяо люто ненавидел чинуш из министерства, ведавших казной и провиантом.

— Господин, вы же не можете обижать честного человека! Моя должность чиновника куплена на честно заработанные деньги, все эти дни дежурства я, Ван Тинцзюнь, не присвоил себе ни единого лян серебра! Герой, прошу вас, рассудите по справедливости! — Ван Тинцзюнь криво нацепил на голову чиновничью шапку с павлиньим пером, скорбно сморщился и изобразил горький плач.

Лэй Чжэнь холодно смотрел на Ван Тинцзюня, и на его лице промелькнуло брезгливое выражение. Стоявший перед ним чиновник эпохи Цин был тучен, лицо самое заурядное, водянистые глаза опухли — верно, от чрезмерной страсти к вину и женщинам. Какой толк от человека, что просиживает штаны на казенном жаловании и покупает должности за взятки?

Такой ничтожный тип затерялся бы в любой толочечной канцелярии. И всё же имя Ван Тинцзюнь звучало как-то странно знакомо, хотя Лэй Чжэнь ломал голову, но так и не припомнил в истории такого выдающегося деятеля.

Неужели память подводит?

Похоже, чем дольше длится это путешествие во времени, тем сильнее изнашивается память. В эту эпоху компьютеры еще не изобрели, и флешки не оставили — хочешь что-то удержать в голове, полагайся только на бумагу и перо.

— Герой, пощадите! Оставьте мне жизнь, и я сделаю для вас всё, что прикажете! Верно, вам же нужно серебро? У меня есть серебро, наш род Ван держит ломбард в Сянтане провинции Хунань. Пусть тамошнее серебро не сравнится с императорской казной, но тысяча-другая лянов у меня найдется! — Ван Тинцзюнь прекрасно умел улавливать настроение по лицам. Заметив тень нетерпения на лице Лэй Чжэня, он в ужасе побледнел и принялся жалобно умолять.

— Встань. Сохрани свою жизнь, ступай домой растить жену и детей! — Лэй Чжэнь покачал головой и приказал: — У него нет никакого желания спасать или губить подобных заурядных чинуш, ведь таких, как Ван Тинцзюнь, в Пекине не один десяток — если считать скромно, наберется добрая сотня.

Держатель ломбарда служит приставом в Министерстве финансов — эта династия Цин катится всё ниже. Чтобы пополнить казну, вдовствующая императрица Цыси послушалась евнуха Ли Ляньина и устроила торговлю должностями. Никакой разницы с концом эпохи Западная Хань при императоре Лин-ди уже не осталось.

Видя, что Лэй Чжэнь не спешит соглашаться, Ван Тинцзюнь с трудом выпрямился, подступил ближе и выпалил:

— Герой, раз уж заморские дьяволы вот-вот ворвутся в город, и даже старая Буддистка уже сбежала, оставаться здесь — верная смерть. Если вы сможете вывести меня из города, я открою вам одну важнейшую тайну!..

Ван Тинцзюнь, видимо, недавно прибыл в Пекин и еще не успел обзавестись связями, поэтому и остался на посту, когда остальные сослуживцы разбежались. А теперь, почуяв шанс на спасение, он изо всех сил цеплялся за соломинку.

— Какую тайну? Выкладывай. Если она того стоит, не то что тебя — десятерых выведу.

Глядя на перепуганную и хитроватую физиономию Ван Тинцзюня, Лэй Чжэнь понял, что тот, судя по всему, не врет. У него проснулся некоторый интерес: этот тип явно не отличался честностью, а такие люди ради спасения собственной шкуры готовы продать что угодно.

— Господин, обещайте, и я скажу! У ведомства есть не три хранилища, а тайное четвертое — в соседнем уединенном дворе. Там спрятано серебро, которое министры и вельможи Министерства финансов присвоили втайне от всех!

Убедившись, что Лэй Чжэнь кивнул, Ван Тинцзюнь поспешно и радостно принялся выслуживаться.

В любом учреждении под началом китайских чиновников всегда заведется своя черная касса. Так было и сто, и двести лет назад. Министерство финансов выполняло роль нынешнего финансового ведомства и госбанка: сидеть на такой золотой горе и не брать взятки — где сыскать таких чиновников? Вся разница была лишь в том, кто гребет больше, а кто меньше.

— Командир Сун, ступайте с приставом в соседний двор, общитесь всё! — Лэй Чжэнь перевел дыхание и отдал приказ.

Серебро любого происхождения пригодится, если удастся его заполучить. Сейчас Лэй Чжэнь остро нуждался в деньгах, поэтому не отказывался ни от чего — впереди предстояло слишком много трат.

Жаль только, что Лэй Чжэнь, упиваясь сладким предвкушением легкой наживы, радовался недолго. Сун Чжаньбяо, тяжело отдуваясь, прибежал обратно из того самого флигеля, куда его отвел Ван Тинцзюнь.

— Наставник, на этот раз мы озолотились! Разбогатели по-настоящему! Там столько серебра — все комнаты забиты до отказа! Если грузить всё, нам и десятка гробов не хватит. Что делать будем?

— М-да... Отыщите еще ящиков, берите сколько унесем. А то, что останется и что не сможем забрать, перед уходом раскидайте по улицам: пусть люди подбирают, пусть забирают себе. Всяко лучше, чем достанется заморским чертям!

Глядя на стоявшие перед ним гробы, уже доверху набитые серебром, Лэй Чжэнь ощутил, как у него в груди поднимается волна чувств.

Подумать только: всего три-четыре сотни человек сумели провернуть столь грандиозное дело! У Лэй Чжэня были все основания для гордости. Ну а оставшиеся крохи можно и прохожим раздать — лишь бы не оставлять их чужеземцам.

На этом точка в судьбе двух миллионов девятисот тысяч лянов серебра Министерства финансов была поставлена. После стольких зачисток японцам, если они сунутся сюда, достанутся разве что пустые стены.

— И еще: гробы под завязку набиты серебром, они стали ужасно тяжелыми, даже четверо здоровенных парней еле тянут. Думаю, лучше раздобыть телеги и перевозить всё на них.

Не успела улечься эйфория Лэй Чжэня, как Сун Чжаньбяо некстати подкинул новую задачку.

Телеги! Где среди бела дня сыскать телеги? Легко говорить со стороны.

Лицо Лэй Чжэня из ясного вмиг превратилось в тучное. Тащить столько серебра на собственной горбу действительно тяжело, а оставаться в городе в такое время — значит каждую минуту подвергать себя смертельной опасности.

В первоначальном плане он, конечно, рассчитывал раздобыть пару повозок на крайний случай, но, добравшись до Пекина, понял, что это невыполнимо.

Слухи о том, что заморские дьяволы идут на штурм Пекина, ходили уже давно, и все состоятельные люди, имевшие хоть какую-то упряжь, давно всё забронировали. В такие времена жизнь дороже денег, так что если ты вздумаешь заявиться на конюшенный двор за повозкой — извиняй, всё распродано, приходи в следующий раз.

Раз на конюшнях пусто, куда теперь податься?

Лэй Чжэнь впервые воочию познал всю боль поговорки: за великой радостью неизменно следует горе.

Гробы и ящики, доверху набитые серебром, оказались неподъемными — настолько тяжелыми, что даже четверо крепких бойцов едва справлялись с ношей. Быстро покинуть город с таким грузом не было ни малейшей надежды.

— Наставник, мы тут поймали какого-то шпиона, кругом околачивался, что с ним делать? — когда Лэй Чжэнь уже ломал голову над проблемой, один из бойцов наружного дозора приволок за собой вертлявого малого с косичкой и в цветастом халате, надетом задом наперед.

— Ты маньчжур? — Лэй Чжэнь искоса взглянул на бледнолицего паренька с перепуганным выражением лица и холодно бросил.

— Ваша милость, нижайший — слуга в резиденции князя Дуаня, зовут меня Налань Сяо. Чего изволите? — едва услышав этот вопрос, этот тип, еще секунду назад притворявшийся дохлой собакой, мгновенно ожил. Он подогнул колено и принялся усердно кланяться, выказывая почтение.

Налань Сяо — имя-то какое звучное! Глядя на бегающие глазки этого сорванца, Лэй Чжэнь неожиданно проникся к нему толикой симпатии:

— Налань Сяо, а есть ли у твоего князя в резиденции повозки? Ну, такие, чтобы груз таскать?

— Ваша милость, тут вы по адресу! В Пекине нет такого угла, которого я, Налань Сяо, не знал бы. А уж что творится внутри Резиденция князя Дуаня — тем более ведаю как свои пять пальцев! Если вам нужны телеги, считайте, дело в шляпе! — с гордым видом заявил Налань

Сяо.

— Мелкий хвастун! А если сболтнул лишнего, а телег не достанешь — не взыщи, дедушка Сун свинца в лоб не пожалеет! — сказав это, Сун Чжаньбяо передернул затвор маузера и пальнул в самый асфальт у ног Налань Сяо.

— Хлобысь! — сухой выстрел звонко отскочил от синеватой каменной плиты, и пуля со свистом улетела куда-то вдаль.

Налань Сяо от этого выстрела побелел как полотно — подними ствол самую малость, и его мужское достоинство навсегда сказало бы ему прощайте.

При этой мысли Налань Сяо затрясся всем телом и затараторил:

— Господин, не стреляйте, не стреляйте! Я сам отведу вас в княжеский дом и пригоню повозки!

— Ты — ступай впереди, смотри без фокусов. Старый Сун, останешься охранять здесь, я мигом обернусь.

Время не ждало, а Сун Чжаньбяо был человек грубый; Лэй Чжэнь боялся, что тот поссорится с Налань Сяо по дороге, и в конце концов решил отправиться лично.

После гибели Не Шичэна отряд Лэй Чжэня по сути превратился в шайку разбойников. В карманах пусто — даже если б захотел привлечь таланты, никто бы не пошел.

Пекин полностью оправдывал звание столицы: переулки и тупики здесь расходились во все стороны света. Лэй Чжэнь с небольшим отрядом во главе с Налань Сяо миновал несколько закоулков, и вскоре перед ними показалась задняя калитка Резиденция князя Дуаня. Налань Сяо вытащил из-за пояса кусок проволоки, шустро поковырялся в замочной скважине, и замок на воротах поддался.

— А малый не промах, мастер на все руки! — Лэй Чжэнь даже заинтересовался им. С точки зрения современного отбора кадров этот парень вполне годился на роль специалиста по части мелких краж.

— Господин, прошу! — отворив дверь, Налань Сяо почтительно согнулся в три погибели, пропуская людей Лэй Чжэня вперед, после чего прикрыл калитку.

Как же выглядит настоящая резиденция цинского князя Дуаня?

До того как увидеть всё своими глазами, Лэй Чжэнь и впрямь ждал чего-то особенного. В его

прежнем мире истории об этом князе гремели на весь интернет, охочие до сплетен авторы насочиняли десятки версий, а о несметных богатствах резиденции ходили легенды. Однако сейчас, столкнувшись с реальностью, Лэй Чжэнь испытал глубокое разочарование.

Открывшийся перед ним двор ничем не отличался от усадеб других столичных сановников: те же серые черепичные крыши, отполированные до блеска каменные ступени да редкие клумбы во дворе — ничего примечательного.

— Выходит, слухи врут! Резиденция князя Дуаня — пустой звук! — подумал Лэй Чжэнь и невольно озвучил это вслух.

— Это кто тут смеет говорить, что резиденция князя Дуаня — пустой звук?! Какая наглая тварь смеет бесчинствовать в княжеском доме! — не успел он опомниться, как из другого конца галереи раздался строгий и звонкий девичий голос. Судя по всему, неосторожные слова Лэй Чжэня достигли чьих-то ушей.

У этой княжны припасена своя история, я еще расскажу о ней позже; она важный персонаж в книге, но не главная героиня.

— Пропало, это же Юйци гэгэ! — лицо Налань Сяо перекосилось, и он съежился за спиной Лэй Чжэня, приняв самый раболепный вид.

Среди маньчжуров различия в статусе господина и слуги соблюдались куда строже, чем у ханьцев. Для такого падшего знаменосца, как Налань Сяо, титул благородной княжны из Резиденция князя Дуаня был недостижим, как небо.

Юйци гэгэ? В памяти Лэй Чжэня у князя Цзай И не было дочерей по имени Юйци. Неужели после перемещения во времени сработал эффект бабочки?

Пока Лэй Чжэнь судорожно копался в памяти, силясь сообразить, что за птица эта незнакомая гэгэ, на конце белой кирпичной галереи с красными столбами уже показалось личико, выражавшее одновременно гнев и растерянность.

— Ой, вы кто такие? Как вы пробрались в резиденцию?

Стоявшей перед ним девушке на вид было лет шестнадцать-семнадцать, ростом невысока. Алая перевязь, пастельно-лиловый короткий халат подчёркивали её гибкую фигурку, а спускавшаяся на лоб чёлка придавала особый шарм — в его прежнем мире через сто лет такую классическую красоту днем с огнем не сыщешь.

Несмотря на традиционный маньчжурский наряд, черты лица этой княжны неуловимо напоминал очарование южанок из долины Янцзы. Впрочем, в эту эпоху судить по одной лишь внешности было опрометчиво.

По крайней мере, прозвучавший секунду назад окрик не отличался особой мягкостью.

— Мы... о! Заморские дьяволы штурмуют город, мы пришли защитить покой князя и гэгэ, — Лэй Чжэнь приподнял ружье и изобразил на лице самую невинную улыбку.

Вид у него был комичный: выряжен в одежды ихэтуаня, а в руках — винтовка. Человек с малейшим опытом сразу раскусил бы этот дешевый маскарад, но юная девица явно страдала от нехватки жизненного опыта. Выслушав эту шитую белыми нитками ложь, она даже кивнула.

— Сяо-цзы, слушай сюда: князь сейчас во дворце, его нет дома. Позаботься о храбрых воинах как следует, если что-то понадобится — иди к главному управляющему, скажешь, что это мой приказ.

Заметив, что Лэй Чжэнь и остальные в упор прячутся на нее, Юйци гэгэ густо покраснела, торопливо отдала распоряжение и быстрой походкой скрылась в глубине двора.

— О, Юйци гэгэ, вы просто ангел! — Налань Сяо рухнул на колени, изображая крайнюю степень преданности. Если бы Лэй Чжэнь не видел собственными глазами, как этот малый дерзил в ведомстве, он наверняка поверил бы его актерскому мастерству.

Проведя Юйци вокруг пальца, Налань Сяо тут же распрямился, хлопнул себя по штанам и с самым независимым видом повел их в боковую гостиную резиденции. Раньше здесь князь принимал бойцов Ихэтуаней, и на центральном алтаре даже стоял уменьшенный алтарь духов.

<http://bllate.org/book/21116/2142722>